

Военные
Приключения

НА ЛИНИИ ОГНЯ

АНАТОЛИЙ ПОЛЯНСКИЙ

Военные приключения (Вече)

Анатолий Полянский

На линии огня

«ВЕЧЕ»

2017

Полянский А. Ф.

На линии огня / А. Ф. Полянский — «ВЕЧЕ», 2017 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-9192-8

Что-то странное происходит на участке погранотряда, которым командует подполковник Михаил Бардин: с сопредельной стороны регулярно поступают крупные партии контрабанды и оружия, а пограничники никак не могут обнаружить канал их доставки. Да ещё Бардин неожиданно встречает считавшегося погибшим бывшего сослуживца, и занимается Константин Леденец чем-то совсем уж непонятным...

ISBN 978-5-4444-9192-8

© Полянский А. Ф., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

1. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА	6
2. ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ	13
3. СМЕНА КУРСА	20
4. НЕРАЗРЕШИМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ	26
5. ЗАГАДКИ, ЗАГАДКИ...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Полянский

На линии огня

© Полянский А. Ф., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

1. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Солнце яростно вливалось в окна, словно было не начало мая, а по крайней мере июль, когда лето в Хабаровске набирает силу и обожженные зноем каменно-асфальтовые джунгли города напоминают раскаленную духовку. Лучезарные потоки света легко пробивали портьерную пыль, и небольшая приемная начальника штаба округа как бы расширялась и становилась выше. Давно не беленные стены будто сбрызнули свежим мелом. Они ослепляли белизной и создавали в казенном помещении радостную обстановку. Но ничего этого Михаил Бардин не видел и не в состоянии был воспринять.

Он вышел из кабинета генерала возмущенный до предела. Черт знает что! Зачем нужно было вызывать в округ? Примчался за две с лишним сотни километров только для того, чтобы выслушать стандартный набор прописных истин! Словно он и без того не знал, что начинается путина, что следует усилить охрану рыбных богатств Амура, что обязан всеми мерами пресекать браконьерство и ужесточить пропускной режим... В крайнем случае обо всем этом можно было бы напомнить по телефону. Выходя из генеральского кабинета, Михаил с трудом сдержался, чтобы с треском не захлопнуть дверь, но, по натуре нетерпеливый и вспыльчивый, Бардин за шестнадцать лет службы приучил держать себя в узде и внешне оставаться невозмутимым.

С начальником штаба округа у Михаила как-то сразу не сложились отношения. Генерал-майор Гончарук – служака старой закваски – не любил ершистых и непокорных. Бардин же сразу проявил себя не с лучшей, по мнению Гончарука, стороны. Представляясь начальнику штаба по случаю назначения на новую должность в Дальневосточном пограничном округе, он позволил себе с генералом не согласиться. Михаилу всего лишь следовало промолчать. Наверняка обошлось бы, не вылилось в затяжной конфликт. Но в академии три года учили открыто высказывать свои мысли, не бояться спорить с авторитетами и отстаивать перед старшими по званию собственную точку зрения... В глубине души Михаил понимал, что зря сотрясает воздух. Он прекрасно знал старую, как мир, солдатскую присказку: не плюй против ветра... Однако не удержался, да еще, дурак, добавил, что это, дескать, не благие пожелания, а официальное дополнение к закону о госгранице, принятое в августе девяносто четвертого. Знай, мол, наших! И тут же спохватился. Но слово не воробей. В подтексте ясно прозвучало: генералу, дескать, надо знать основополагающие документы.

Гончарук намек понял. Его круглое, с обвисшими щеками лицо побагровело. Лохматые с проседью брови над поблекшими глазками взметнулись. Подобной дерзости от молодого офицера, годящегося ему в сыновья, генерал не ожидал. Несогласие с собственными высказываниями в любой форме он воспринимал как покушение на личный авторитет.

Возражений по существу начальник штаба не нашел, но поставить вновь прибывшего выскочку на место посчитал совершенно необходимым. Он прочел молодому нахалу нотацию о вреде самонадеянности и зазнайства, об уважении к старшим, о нежелании считаться с местными традициями и далее в том же духе.

С этого, собственно, и начались беды Бардина на новом месте службы. Гончарук, как показало время, оказался злопамятным. Невзлюбив кого-нибудь, он ловко отыгрывался на человеке при малейшей возможности. Фамилия Бардина стала «дежурной» на всех совещаниях. Соколовский погранотряд, которым он командовал, непременно фигурировал в качестве отрицательного примера. Офицеры штаба округа, приезжая с проверками, считали своим долгом найти недостатки. За всю службу Михаил не получил столько взысканий, сколько нахватал за шесть месяцев пребывания в должности начальника отряда. Настроение под таким «каменпадом» было препаршивое. И если бы не начальник войск округа...

Генерал-лейтенант Касымджан частенько защищал Михаила от нападок начальника штаба, однако со свойственной ему иронией говорил: «Ты очень молодой. Постареешь немного – опыт сам прибежит, научит с начальством в любви жить...» В противовес начальнику штаба командующий был человеком спокойным, незлобивым. Никогда не выходил из себя и подчиненных не распекал. Обращался к людям на «ты», но это никого не задевало, потому как звучало доверительно, даже дружески. Такая манера общения вызывала у подчиненных ответное стремление наилучшим образом выполнить указания командующего. Зато когда Касымджан сердился, а для этого нужна была веская причина, то переходил на «вы». Голоса не повышал, только речь становилась отрывистой, язвительной. Возникало ощущение, будто тебя стегают кнутом. Это действовало похлеще ненормативной лексики, которой были привержены многие высокие чины.

Наблюдая за командующим в течение полугода, а встречались они довольно часто, Михаил проникался к нему все большей симпатией. Дошло даже до того, что он позволил себе однажды высказать недоумение по поводу позиции начальника штаба округа. Разговор происходил в штабе отряда, куда Касымджан приехал посмотреть на переоборудованный автопарк и, задержавшись допоздна, остался на ночь. Генерал выслушал сетования офицера, посмотрел на него пристально черными глазницами и спросил: «Прижимает, говоришь?.. Ну и правильно делает! Чтобы служба медом не казалась! – И, выдержав паузу, добавил, подбадривая: – Это ничего. Даже хорошо. Крепче будешь...»

Выйдя из здания штаба округа, Бардин в нерешительности остановился. В его распоряжении оказалась уйма свободного времени. Такого давно не случалось. Обычно день начальника отряда расписан по минутам, на сон оставалось не более пяти-шести часов... «Стремительный», которым он должен возвращаться в отряд, отваливает вечером, точнее – в восемнадцать ноль-ноль. Стоянка корабля находится в Казакевичеве. На машине можно добраться минут за сорок. Остается придумать, как распорядиться пятью часами свободного времени.

Так ничего и не решив, Михаил неторопливо зашагал к центру города. Он тоже имеет право хоть раз в году ни о чем не думать и не беспокоиться. На глаза попались несколько старинных особняков. Разнообразие их архитектуры было удивительным. На фронте дома сохранилась замысловатая лепнина, ажурные рамы окон горели на солнце. У входа в соседнее здание стояли колонны. От построек начала века веяло добротностью. Их строили капитально, чего не скажешь о многоэтажках, возведенных недавно. Безликие новостройки выглядели обшарпанными, обветшавшими, грязными.

Вообще-то Хабаровск Бардину понравился. Конечно, с Москвой, где довелось прожить три года во время учебы в пограничной академии, сравнивать не имело смысла. Однако у города было свое лицо, совсем непохожее на облик заштатных городков Средней Азии, где Бардин прослужил многие годы. К ним он тоже в свое время долго привыкал. Поначалу раздражали узкие улочки и замусоренные арки вдоль них. Медленно бредущие ишаки с седобородыми седоками методично взбивали пыль, и та густо стояла между глинобитными дувалами, за которыми в гуще деревьев укрывались убогие домишки. От жары плавилась мозги, а пропотевшая гимнастерка, обвиснув на торсе хрустящим соленым коробом, терла кожу, как наждак. Но военный человек, если надо, ко всему приспосабливается.

Михаил пересек площадь Ленина и вышел на самую красивую, центральную улицу Хабаровска, переименованную недавно в проспект Муравьева-Амурского. Витрины магазинов демонстрировали решительно все: от сантехники и холодильников до смокингов и вечерних дамских нарядов. Огромные щиты с ослепительно улыбающимися ковбоями призывали курить только «Мальборо», а передвигаться исключительно на «тойотах» и «вольво». По тротуару сплошным потоком текла людская река. Горожане под лучами яркого солнца выглядели нарядными, будто все они собрались на праздничное гуляние. Плотный поток несущихся по дороге машин – красных, желтых, синих, зеленых – состоял из иномарок, преимущественно

японских. За последние годы на улицах Хабаровска их появлялось все больше. Машины с затемненными стеклами проносились мимо, не оставляя в отличие от отечественных автомобилей бензиновой вони.

Неожиданно взгляд Михаила привлек странно одетый человек. Полотняный костюм, явно вынутый из дедовского сундука, должен был пахнуть нафталином. На ногах – парусиновые, выбеленные зубным порошком туфли. На голове – широкополая соломенная шляпа образца затертого года. Седая, аккуратно постриженная бородка клинышком и пенсне были также из далекого прошлого. Незнакомец, судя по всему, опоздал родиться лет на пятьдесят. В яркой толпе он выглядел ископаемым, но, как ни странно, был удивительно гармоничен. Шел легко, с достоинством неся грузную, отягощенную бременем лет фигуру, и предупредительно уступал дорогу дамам. Именно такими, не от мира сего, рисовались в воображении Бардина дореволюционные писатели, художники, ученые – прежняя интеллигенция со странностями и закидонами. Этот походил на профессора...

Незнакомец не спеша двигался к Амуру. Бардин поневоле следовал за ним, поскольку тоже намеревался прогуляться по набережной. До Профессора Михаилу не было никакого дела, но он не мог оторвать от него взгляда. Явно неординарная личность. С таким поговорить дорогого стоит. Старики – они мудрые...

По странной ассоциации Бардин вдруг вспомнил сегодняшний визит к генералу. Может, начштаба тоже не так дремуч, как кажется? В его рассуждениях, если покопаться, наверняка обнаружатся рациональные зерна. Находясь во власти эмоций, Михаил слушал генерала вполуха, а сейчас, мысленно прокрутив наставления начштаба, задумался. Сперва речь шла о путине и усилении досмотра гражданских судов, потом об участившихся попытках «соседей» проникнуть на нашу территорию с целью ее обживания. Что еще?.. Ага, есть! Генерал заметил: по данным разведчиков в Соколовке появилось много китайского ширпотреба. Контрабанда очевидна, а пути доставки неизвестны. И еще, пожалуй, самое важное: слишком нагло действуют контрабандисты – первый признак того, что у них надежные связи с населением Соколовки и окрестных деревень, а возможно, и с местными властями...

Конечно, если бы все это произносилось не подчеркнуто менторским тоном, от которого уши сворачиваются в трубочку, Михаил наверняка реагировал бы иначе. Ведь о том же недавно сигнализировал ПП – «главный разведчик Соколовского погранотряда» подполковник Петр Петрович Смолистый.

Смолистый прибыл в отряд недавно, а до того, как и Бардин, служил в Средней Азии. Он целый год выслеживал группу, занимавшуюся переправкой наркотиков по Джульфагарскому проходу. Банду в конце концов удалось уничтожить. Смолистого за это наградили орденом Красной Звезды. Ему как профессионалу можно и должно было доверять.

Профессор тем временем продолжал совершать моцион. Дважды галантно раскланялся с дамами. Похоже, в городе его знали. На морщинистом, как моченое яблоко, лице появилось что-то вроде улыбки, больше похожей на гримасу. Глаза оставались холодными, улыбались только губы, но дамы приветливо кивали в ответ, давая понять, что внимание Профессора их обрадовало.

За Комсомольской площадью начинался отлогий спуск к Амуру, превращенный в роскошный парк – любимое место отдыха хабаровчан. Возле прекрасно сохранившегося старинного особняка, в котором нынче располагался детский театр, Профессор придержал шаг и помахал рукой вышедшему из-за угла человеку в блекло-зеленой, явно выгоревшей военной рубашке. Что-то в его облике показалось знакомым. Широкие плечи, круглая голова на короткой могучей шее и тонкая – при таких-то габаритах, – перетянутая широким ремнем талия. Лица не видно, но фигура... Смущало только, что человек сильно хромал.

Костя?.. Не может быть! Мертвые не воскресают. Костя, по дошедшим до Михаила известиям, погиб в Чечне. Он вечно лез в самое пекло. В Афган отправился первым из их выпуска.

И в Чечню наверняка попал по доброй воле. Так по крайней мере утверждал воевавший с Костей Леденцом однополчанин.

Профессор оживился и направился к подходящему к нему человеку с протянутой для рукопожатия рукой. Тот непроизвольно огляделся по сторонам, и Михаил разглядел его лицо. Теперь сомнений не оставалось. Высокий лбище, разлет рыжих бровей, приплюснутый, поврежденный в спортивных схватках нос. Конечно, это был Костя Леденец – дружок Михаила по училищу, постоянный противник на татами. Оба были кандидатами в мастера спорта по рукопашному бою.

Вот так встреча! Увидеть сгнувшего друга, да еще где – на краю российской земли!.. Замешательство продолжалось несколько секунд. В следующее мгновение Михаил бросился к однокласснику. Леденец, явно испугавшись, оглянулся. Его хмурое, с колючим взглядом лицо поразило. Но, узнав Бардина, Леденец засиял. Он шагнул навстречу Михаилу, успев бросить выразительный взгляд на стоявшего рядом Профессора.

Друзья крепко обнялись.

– Силен, чертяка, – улыбнулся Леденец, едва переведя дух.

– Ты живой, Костя? Или мне это приснилось? – еще до конца не веря, спрашивал Михаил. – Господи, что я говорю? Вот он – ты, целый и невредимый. – И снова бросился обнимать вновь обретенного друга. – А мне сказали, что тебя в Грозном...

– Похоронили? – засмеялся от избытка чувств Костя. – Слышал и я про себя эту байку. В народе говорят: долго жить теперь буду. А насчет того, что цел и невредим, – это ты погорячился. Ну, здравствуй! Дай-ка на тебя поглядеть. Ого, подполковничьи погоны, академический поплавок... Постой. У тебя в Афгане, помнится, медаль «За боевые заслуги» была, а теперь вижу Красную Звезду, «За отвагу». Где сподобился?

– Так ведь давно не виделась...

– В Чечне? – не унимался Костя. – Или на таджикско-афганской границе? Угадал?

Прохожие стали обращать на них внимание, и Костя предложил:

– Айда в парк. Я там знатный кабак надыбал. Отметим встречу, как в былые времена.

У тебя есть время?

– Свободен до вечера. А ты?

– Я вольная птаха, – усмехнулся Леденец. – Мое дело гулять да за бабами волочиться...

– Неужто уволился?

– Выражайся точнее: уволили. По чистой. Коленкой под зад. На кой хрен армии хромой офицер?

Друзья, быстрым шагом пересекая Комсомольскую площадь, продолжали разговор на ходу.

– Что за тип к тебе подходил? – поинтересовался Бардин.

– Один из многочисленных знакомых, – неохотно ответил Костя.

– Экзотическая личность. Я его мысленно Профессором обозвал.

– Он и есть профессор. В своем роде, конечно, – недобро сощурился Костя и решительно сменил тему: – Давай о себе. Рассказывай, ты в какой должности? Зэ-эн-ша?

– Бери выше. Начальник отряда.

– Ого, полковничья должность! Генералом скоро станешь?

– Завтра. Ты-то как в Хабаровске очутился?

– На малую родину потянуло. Я здесь родился. А вообще-то вольным ветром занесло...

Они вышли на набережную. В лучах перевалившего зенит солнца сверкала бескрайняя гладь Амура. В весеннее половодье могучая река заливала противоположный берег, и он, окутанный дымкой, едва угадывался вдалеке.

В «знатном кабаке», куда Костя привел друга, было малоллюдно и тихо. В распахнутые окна вливался легкий ветерок. Голубые портьеры создавали уютный полумрак. Друзья заняли столик в дальнем углу, и к ним тотчас подскочил официант.

– С прибытием вас, Константин Егорыч! – воскликнул он радостно. – Что изволите заказать?

– Да ты тут, оказывается, личность известная, – заметил Бардин, когда официант убежал на кухню.

– Это точно. Надо ж холостяку хоть иногда где-то вкусно пожрать, – осклабился Леденец.

– Не понял. А где Варя? – Михаил был шафером на Костиной свадьбе. Произошло это на последнем курсе училища, вскоре после его женитьбы.

– Была Варя, да сплыла, – равнодушно ответил Костя. – И Аленку с собой увела. Кому нужен калека, не имеющий жилья и средств к существованию?..

У Михаила сжалось сердце.

– Ты, по-моему, сгустил, – пробормотал он. – Так ли все плохо? Пенсию получаешь немалую. На нее можно вполне прожить.

– Что ты знаешь, служивый, о нынешней жизни на гражданке? – вздохнул Леденец. – На всем готовом сидишь: принесут, подадут, уберут. А на дворе нынче дикий капитализм. Знаешь, что такое ЧЧВ? Человек человеку волк... Моего пенсионера только и хватает, что на похлебку и сигареты.

– Найди подработку, – неуверенно предложил Михаил.

– Где? Ну, где? – перебил Костя. – Землю копать, кирпичи таскать физически не в состоянии. Что я еще умею?.. Ни-че-го. Только одному научили: воевать! И таких на Руси сейчас много мотается. Ни кола ни двора, хоть ложись и помирай...

Официант прервал его монолог. Он разложил приборы, расставил блюда с закусками, в центр стола водрузил запотевшую бутылку водки и удалился со словами: «Если что потребуется, Константин Егорыч, дайте только знак!»

И снова подобострастное поведение официанта поразило Михаила. Как-то не вязалось это с бедственным положением, в котором, по его словам, оказался Леденец. Он был тут всегда. Надо полагать, не безденежным, о чем свидетельствовал набор заказанных деликатесов. Кетовый балык, крабы, свежие огурцы и помидоры в это время года в Хабаровске стоили дорого. На кошелек Михаила Костя не рассчитывал, иначе прямо спросил бы о его финансовых возможностях, – так было принято еще в курсантские времена. Значит, намеревался расплачиваться сам? Из каких шишей?

Ситуация внушала подозрение. Какая метаморфоза произошла с бесшабашным, озорным Костей Леденцом, всегдашним заводилой в их холостяцких компаниях? С момента встречи Михаила не покидало ощущение какой-то странной раздвоенности друга. Вроде бы прежний – разухабистый, до предела откровенный, а в то же время настороженный, озлобленный... Конечно, война, тяжелое ранение меняют характер, влияют на психику. Человек, повидавший немало смертей, сам вернувшийся с того света, не может остаться прежним. Михаил тоже прошел через окопную грязь и кровь. Многие ребята, воевавшие в Афгане, Чечне и других «горячих точках», жалуются на расстройство нервной системы. Многие, но далеко не все...

Они выпили еще по одной. Леденец словно с цепи сорвался: наливал и наливал, почти не закусывая. Бардин попытался притормозить, но Костя только отмахнулся и заказал вторую бутылку водки, велел заодно принести бифштексы. Он заметно опьянел. Голова тяжело клонилась к столу. И Бардин с упреком сказал:

– Ты, дружище, совсем того.

– Кто – я? – вскинулся Костя. – Да ни в одном глазу!.. Мне бутылка, что слону дробина.

Он действительно вдруг сразу протрезвел и, взглянув на Михаила, вновь как ни в чем не бывало вернулся к прерванной теме:

– Вот ты говоришь, Бардин, государство о нас, афганцах, позаботилось. Дай микроскоп, чтобы я смог это увидеть... Слышал, сколько бесквартирных в одном только Хабаровске? В льготной очереди, заметь, мой порядковый номер на получение жилья триста девяносто седьмой. За мной хвост вдвое больше. В год дают двадцать квартир. Значит, ждать мне осталось – правильно! – двадцать лет. За это время, как выражался Ходжа Насреддин, или хан помрет, или ишак сдохнет. Я и есть тот самый ишак тридцати пяти годков.

Слушая сейчас трагическую исповедь Кости, Михаил испытывал жалость. Сомнения и подозрительность, возникшие было в начале встречи, отошли на задний план. Друг, которому он многим обязан, оказался в беде – это главное. Ему необходимо помочь.

– Послушай, Костя, – сказал он, – есть вариант. Ты – человек проверенный. Подавайся ко мне в отряд. Должность подыщем. Поживешь пока у меня.

Леденец выпрямился. Что-то дрогнуло в его лице. Глаза наполнились слезами.

– Спасибо, дружище, – тихо и проникновенно сказал Костя. – Ты... ты настоящий. Меня, ей-богу, рассиропил. Но об этом в другой раз... – Он потянулся за бутылкой и резко, отгоняя тяжелые мысли, тряхнул головой: – Давай за баб-с! Гусары пьют стоя!

Леденец встал, вытянулся. Рюмка в руке не дрожала. Бардин подумал: силен, черт. Он тоже встал. Тост был памятен с курсантских времен.

– Как ты решился меня к себе пригласить? – вдруг спросил Костя. – А Софочка? Полагашь, твоя привереда согласится на такого квартиранта?

Бардин ждал этого вопроса и боялся его. Когда-то они вдвоем с Костей ухаживали за Софочкой, самой знатной невестой гарнизона. Ее папаша был заместителем начальника училища по тылу, а дочурка блистала, как ограненный бриллиант. Она ходила в умопомрачительных нарядах и была мечтой многих курсантов. Михаил упорно ухаживал за девушкой два года, а Костя был нетерпелив. Любил менять подружек, довольствуясь частенько самыми доступными. В общем, друг, что называется, сошел с дистанции, уступив место сопернику. И Михаил своего добился. На последнем курсе Софочка милостиво согласилась выйти за него замуж, а вскоре после свадьбы возник конфликт. При распределении дорогой тесть подготовил зятючку теплое местечко в училище. Михаил, всегда мечтавший о службе на границе, взбунтовался, попросил направить его в Среднеазиатский пограничный округ. Софочка закатила грандиозный скандал, категорически отказалась следовать за мужем. Лишь родив двойняшек, ненадолго появилась на заставе и вернулась под родительское крыло.

Пауза затянулась. Костя ждал ответа на вопрос. Даже жевать перестал, уставившись на друга. А Михаил? Что он мог ответить Косте, если и сам не знал, есть у него семья или нет? Развода Софья не давала, официально они числились в браке. Но жила мадам Бардина с девочками в Москве, занимая две комнаты в роскошной папиной квартире. Тот, уволившись из погранвойск, занялся бизнесом и в средствах явно не стеснялся. Приезжавшего в столицу мужа любимой дочери принимали в его доме любезно, но Михаил чувствовал себя там чужим. На настойчивые просьбы приехать в Соколовку и жить по-семейному Софья отвечала уклончиво: скорее нет, чем да...

– Ты почему молчишь, Бардин? – заволновался Костя. – Вы разошлись, что ли?

– Нет! – сухо отрезал Михаил. Говорить об этом было неприятно.

– Что-то с Софьей случилось? Или с девочками?

– Все живы, здоровы. Обитают в Москве.

– Понятно, – присвистнул Костя. – Обычная история, Софочка в своем репертуаре...

– Давай замнем для ясности, – попросил Михаил. Фраза была из прошлого, курсантского лексикона, когда они понимали друг друга с полуслова.

– Не хочешь говорить, не настаиваю, – согласился Костя. – А за приглашение все равно спасибо. Давно ни от кого доброго слова не слышал. Жаль – не смогу воспользоваться.

– Почему? – напористо спросил Михаил. – Ты же говорил...

– Рад бы в рай, да грехи, дорогой мой, не пускают, – перебил Леденец. – Я уж сам...

– Как знаешь, – пожал плечами Михаил и, поглядев на часы, встал. – Мне пора. Через час уходит корабль, а нужно еще добраться до Казакевича. Где официант, хочу расплатиться.

Лучше бы он этого не говорил. Взгляд Кости просверлил его насквозь.

– Брось старые штучки, Бардин, – сказал он зло. – Я пригласил, с меня причитается. И ни слова больше, иначе поссоримся... Что касается моего кармана, то, как сказал Сережа Есенин, не такой уж горький я пропойца... Прощай. Даст бог, увидимся. А нет – не поминай лихом!

Михаил молча протянул руку. Так они и расстались. Встреча оставила в душе неприятный осадок.

2. ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

Корабль плавно отвалил от причала и, постепенно набирая ход, устремился к середине реки. Позади оставалось Казакевичево. Домишки, сбегаящие по отлогому косогору к воде, заметно уменьшились в размерах. Поселок сжался, лишь многоэтажки, что были построены у пирса для семей военных моряков, свечками высились на берегу.

Амур при впадении в него Уссури был особенно широк. Гражданские суденышки едва справлялись с сильным течением. Особенно трудно им было удержаться на середине реки. Но для «Стремительного» с тремя могучими двигателями это не составляло труда. В трюме только басовитей загудели набирающие обороты машины, и вода за кормой, вспененная бешено вращающимися винтами, забурлила, заклокотала.

Стоя на мостике, куда его пригласил командир корабля, Бардин любовался мощным ходом «Стремительного». Начинаясь путина, корабль был назначен на патрулирование в район Соколовского погранотряда. И поскольку ПСКР все равно шел туда, начштаба округа приказал взять Бардина на борт, чтобы попутно и без хлопот доставить на место. Михаил впервые находился на таком большом корабле и пришел в восторг:

– Ох и сильна машина! Красоты необыкновенной...

– Приличная посуда, – одобительно прогудел капитан третьего ранга Исаков, которому понравилась похвала кораблю.

«Стремительный» действительно был не только самым быстроходным в соединении, но обладал к тому же изрядной огневой мощью. Один залп мог «перепахать» несколько гектаров земли. Бардин сам видел на учебных стрельбах, какие площади накрывает ПСКР своим огнем.

– Вам, наверное, тесно на реке? – спросил Михаил. – Такому гиганту океанский размах требуется.

– В море, конечно, ходить сподручнее, но начальству виднее. Оно решило, и разговор окончен...

Михаил знал: «Стремительный» только недавно был передан в создаваемую заново Амурскую флотилию. Многие «морские волки» были недовольны переводом, считали себя обиженными. Курица, дескать, не птица, речник – не моряк.

Исаков стоял, глядя вперед, насупленный, даже мрачный. Продубленное ветрами лицо походило на иссушенную солнцем растрескавшуюся землю. Рыжеватые усы недовольно топорщились. Командир был, конечно, недоволен новым назначением.

Место службы не выбирают. Льготные местечки легко и просто достаются генеральским сынкам, ежели те того пожелают. Бардин мог спрятаться за спину тестя, но не воспользовался этим шансом. Вообще-то быть альтруистом в наше время глупо. Михаил тоже предпочел бы службу в большом городе. Приятно пользоваться благами цивилизации, а не бегать «до ветру» ночью на косогор. Только ведь надо и совесть иметь. Почему вместо тебя ехать в тмутаракань должен кто-то другой?..

Но не только моральные соображения определяли линию поведения. Михаил был не лишен тщеславия. Если хочешь чего-то достичь и не намерен лизать пятки начальству (есть и такой способ продвижения вверх), изволь на собственной шкуре испытать тяготы службы. Сумеешь лично пройти все ступеньки должностной лестницы – станешь в конце концов настоящим военачальником.

В тридцать с небольшим он уже кое-чего достиг и не намерен изменять своим принципам. Михаил Бардин никогда не выбирал место службы. Это он и сообщил Исакову. И пояснил, насколько сложна обстановка на данном участке границы. Китайские браконьеры без зазрения совести грабят рыбные богатства страны. Сотнями джонок лезут в наши воды, вылавливают

самые ценные породы лососевых и осетровых рыб. Создание Амурской флотилии – не чья-то блажь, а веление времени.

– Не агитируй, я все давно понял, – согласился Исаков, но в голосе его не было твердости.

– Конечно, на Курилах служить легче, – с иронией заметил Бардин. – Есть где кораблю развернуться. К тому же двойная выслуга и двойной оклад.

Он рассчитывал раздражить Исакова, но тот рассмеялся и сказал:

– Вы правы в главном, Михаил. Здесь действительно служить труднее.

– Почему? – удивился Бардин. – В море цунами и штормы, подводные рифы. Земли не видно, ориентироваться трудно. А тут вот они – оба берега на виду.

– Зато в море под тобой глубина, – ухмыльнулся Исаков. – Коли знаешь лоцию, изучил район патрулирования – волноваться нечего. Можешь спокойно доверять предупреденную вахту помощнику и идти спать. – Капитан постучал пальцем по стеклу компаса, как бы проверяя, не сбилась ли стрелка, и продолжал: – А на реке, управляя такой машиной, как наша... Фарватер узкий, довольно часто меняется. Отмелей полно, глубины мизерные. Чуть недогляд – быть беде. Ночную вахту уже никому не передоверишь.

Бардин слушал командира корабля с изрядной долей недоверия. Представления о морской службе были до сих пор иные. Исаков, с которым они познакомились пару месяцев назад на окружном совещании, производил впечатление человека прямого, открытого. На вопрос, не собирается ли учиться дальше, бесхитростно заявил: «Я своего потолка достиг. Командовать кораблем полученных знаний хватает. Опыт колоссальный... Мне почти сорок, выслуга – двадцать семь. Какая учеба, когда на пенсию пора!...» Сам Михаил так откровенно высказываться никогда не стал бы. Человека это не украшает, лишь свидетельствует о простоте души.

На берега и реку опускался вечер. Вызолотив небо на западе, багряный закат, дрожа, догорал над далекими сопками. Зеленая тайга, сплошняком стоящая по обе стороны Амура, потемнела. Очертания берегов утратили четкость. Река, сблизив их, как бы сузилась. За каждым поворотом мог оказаться перекат с намытой недавно мелью. Тут уж действительно смотри в оба.

Вслед за командиром Михаил спустился с мостика в рубку и сразу ощутил напряженность царящей здесь атмосферы. Рулевой, руки которого цепко держали штурвал, был хмур и сосредоточен. Сидевший у локатора вахтенный матрос безотрывно следил за быстро вращающейся разверткой. Из штурманской выглянул молоденький старлей с такими же, как у командира, усиками.

– Может, сбавим ход, товарищ капитан третьего ранга? – спросил озабоченно.

– Видишь какое-нибудь препятствие?

– Никак нет.

– Отчего встревожился? На всякий случай? – Вопрос прозвучал насмешливо, заставив молодого офицера покраснеть.

Старлей скрылся в штурманской, а Бардин тихо, чтобы никто не услышал, в свою очередь, спросил:

– Вам не показалось, что он прав, Сергей Михайлович?

– Нет, – улыбнулся Исаков. – Штурман перестраховывается по неопытности. Амур на данном отрезке не так капризен, как в верховьях. Пока можно, будем держать скорость. На малом ходу когда ж мы до вашей Соколовки доберемся? Я сам, как вы понимаете, не лихач... Слыхал, кок сигнал подает? Пока обстоятельства позволяют, пошли в кают-компанию. Стол, думаю, накрыт...

После ужина они сгоняли пару партий в шахматы. Исаков оказался довольно сильным противником. Перворазрядник Бардин выиграл у него с трудом. Потом, накинув бушлаты, оба опять поднялись на мостик. Над Амуром уже стояла ночь. Недавно народившийся месяц протянул по реке узкую серебристую дорожку, едва мерцающую во мраке. Тьма на берегах сгусти-

лась настолько, что границы суши даже не угадывались. Чернеющая за кормой вода походила на отработанное машинное масло.

Исаков молчал. Михаил – тоже. Он думал о своем. Вспомнилась во всех деталях встреча с Леденцом. Конечно, Бардин безмерно счастлив, что друг оказался жив. Но к радости при- мешивалось недоумение. Почему Костя только и делал, что жаловался на несчастную долю инвалида, но ни словом не обмолвился, где и как добывает средства для явно обеспеченной жизни?.. И почему Костя не дал другу свой адрес? Сам-то он узнал: Бардин – начальник Соко- ловского отряда. При желании он всегда сможет его найти. Но ведь нужна и обратная связь? Вдруг откроется неожиданная перспектива с выгодной работой. Правда, показалось: особой заинтересованности старый друг не обнаружил...

– Командир! – крикнул снизу штурман. – Слева по носу цель!

Исаков мгновенно скатился по трапу, предоставив гостю возможность осторожно после- довать за ним. Склонившись над локатором, капитан третьего ранга увидел цель, неподвижно замершую на середине реки, и другую, уходившую к китайскому берегу.

– А, черт! – выругался он. – Эту уже не догнать!

– Помогите понять, в чем дело, командир, – попросил Бардин. Всю жизнь он прослужил на сухопутье, с моряками столкнулся в самое последнее время. Вмерзшие в лед на его участке корабли зиму простояли у пирса и только теперь начали выходить на границу.

– Ситуация рядовая, проще пареной репы, – серьезно ответил Исаков. – Это, – он ткнул в движущуюся на экране локатора точку, – наверняка китайская джонка. Теперь она в своих водах, куда нам вторгаться нельзя. Другая цель, могу сказать безошибочно, – наше судно. Зачем они встречались с джонкой, надеюсь скоро узнать... Десять градусов левее по компасу! – скомандовал рулевому. – Так держать!

– Думаете, они встречались? – начал было Бардин.

– О чем тут думать? – перебил Исаков. – Идет обыкновенная мена по принципу: ты мне – я тебе. И все шито-крыто. Речники приловчились сплавлять китаёзам бензин, дизельное топ- ливо, масла, цветной металл. А те им – радиоаппаратуру, серебряные изделия, разное шмотье. Обе стороны довольны, а государству – шиш. Мена ведь беспрошленная...

В это время точка на экране локатора сдвинулась и пошла вниз по течению, потихоньку прибавляя скорость.

– Ага, услышали, – засмеялся Исаков. – Шум двигателей «Стремительного» разносится далеко. Чует кошка, чье мясо съела... Дать три белые ракеты! – распорядился он и специально для Бардина пояснил: – Это сигнал немедленно застопорить машины.

– А если не остановятся?

– Пусть попробуют.

– Будете стрелять?

– Не имею права. Но есть разные способы, Михаил Иванович. Да и скорость у нас какая: ни один корабль на Амуре с нами не станет состязаться.

Небо над рекой, заливая ее мерцающим светом, прочертили огненные дуги. Стало светло, и Бардин увидел прямо по носу небольшое судно с приземистыми палубными надстройками.

– Та-ак, речной толкач, – констатировал Исаков. – Этому что ночью тут делать? – И зычно скомандовал: – Корабль к задержанию! Осмотровой группе к высадке! Главного боцмана ко мне.

– Цель остановилась, – доложил вахтенный.

– Что-то слишком быстро нас послушались, – недовольно проворчал Исаков и повер- нулся к моряку, появившемуся из темного проема.

– Старший мичман Забутняк прибыл, командир! – отчеканил он и поправил висевший на шее автомат.

– Догадался, зачем звал? – спросил Исаков.

– Так точно, товарищ капитан третьего ранга! – отчеканил мичман, и губы его расплылись в широкой улыбке, обнаружив крупные зубы. На скуластом лице с мясистым носом виднелись заботливо ухоженные пшеничные усики.

– Вот что, Иван Николаевич, – сказал Исаков, – ты этот толкач сверху донизу переверни, но найди контрабанду. Она должна быть, потому как китайцы от них только что ушли!

– Не извольте беспокоиться, товарищ капитан третьего ранга, – заверил боцман. – Найдем. Разрешите действовать?

– Только ты там того... не очень, – предупредил Исаков.

– Обижаете, командир! – в голосе мичмана прозвучала ирония: сами, мол, с усами.

– Я тебя не первый день знаю, Забутняк. Действовать по всем правилам... Кормовую шлюпку – к спуску! – скомандовал Исаков в переговорное устройство и увлек Бардина на палубу.

В шлюпке, которая отвалила от борта «Стремительного», сидело четверо одетых в оранжевые жилеты матросов, вооруженных автоматами. На корме за рулем монументально восседал боцман.

– Полагаете, найдут что-нибудь? – спросил Бардин.

– Иначе не может быть!

Ответ Исакова показался слишком самоуверенным, и Михаил заметил:

– На любом судне столько потаенных мест...

– У боцмана нюх, как у ищейки.

Он стоял у борта, не касаясь руками лееров. В этом был определенный флотский шик, ибо Бардин, наоборот, вцепился в ограждение мертвой хваткой. Корабль временами основательно покачивало. Поднявшийся ветер заметно посвежел.

– Я потому Забутняка и послал, – продолжал Исаков. – Даже дока-старпом может что-то проглядеть, а Иван никогда. Мужик без малого тридцать лет в погранвойсках служит. Однажды был случай: задержали китайскую джонку, обшарили – ни-че-го. Я мичману говорю – отпусти, взгреют нас за то, что долго копаемся. А он в ответ: нутром чую, дело нечистое. Разреши, командир, еще поискать. И что ты думаешь, нашел-таки Иван! У джонки двойное дно оказалось, а там емкость литров на семьдесят, в которой чистейший спирт...

Бардин сунул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой. Исаков с явным неодобрением покопился, однако замечания не сделал. Михаил был гостем, да и по званию старше.

– И часто вы задерживаете таких... менщиков? – спросил Бардин.

– Не очень, однако бывает, – отозвался Исаков неохотно. Дело это было ему явно не по душе.

– Чем же вы недовольны? Каждое задержание для вас только плюс. Идет в послужной список.

– Правильно, – согласился Исаков и, помолчав, добавил: – Можно даже медаль заработать. При известном усердии, конечно...

– Что ж тут плохого?

– Для нас замечательно. А для этих бедолаг, – махнул моряк рукой в сторону задержанного судна, – беда.

– Не понял, – искренне удивился Михаил.

– А что тут понимать? Речники месяцами зарплату не получают. Мой шурик старшим механиком на грузовом по Уссури ходит. Экипаж небольшой, вкальвают до потери пульса, а им полгода вместо денег фигу кажут. У шурина двое пацанов. Они, между прочим, каждый день жрать требуют. Вот и крутится мужик...

То, о чем говорил моряк, не было секретом. На что они, пограничники, люди довольно обеспеченные, а и те месяцами не получают кормовых денег. Газеты полны сообщений о забастовках рабочих, учителей, врачей.

– Может, не стоит тогда задерживать таких горе-контрабандистов? – спросил Михаил.

Исаков вскинул голову и, как показалось Бардину, поглядел на него подозрительно: не провокация ли? Потом, вздохнув, уверенно ответил:

– Пресекать контрабанду все равно нужно – такая у нас служба. Конечно, мужиков жалко, они стараются семью прокормить. Но пожалеешь раз-другой, а потом вместе с карасем акулу прозеваешь. Зубастых-то среди них поболее... Нет уж, на границе должен быть порядок.

Хрупкий серпик молодой луны спрятался за облако. Зато луч прожектора, сдавленный мраком с обеих сторон, стал как бы ярче. Ветер нес из тайги терпкие, настоянные на хвое запахи. Исаков поглядел на светящийся циферблат ручных часов и недовольно пробурчал:

– Что-то Забутняк, черт возьми, на сей раз долго копается!

– Куда ему спешить, – отозвался Бардин. – Боцман, как я успел заметить, мужик основательный. Не станешь же ты его подгонять?

– Понятное дело...

Разговор прервался сам собой. Оставалось лишь ждать. Михаил сунул в рот очередную сигарету и недовольно подумал: очевидно, придется бросать. Алена, оказывается, не выносит табачного дыма, а он об этом не подозревал. Смолил одну сигарету за другой, а молодая женщина сидела в той же комнате и молчала. Совершенно случайно обнаружилось, что она буквально задыхается в сигаретном дыму. Побледнела как полотно, раскашлялась... Сколько Софья просила, чтобы муженек перестал коптить драгоценные валютные шторы. Сколько раз он даже обещал бросить курить, но переломить себя не захотел. А ради Аленушки! Да скажи она хоть слово...

Странно устроен мужик. Работает рядом с ним юная женщина, а он ее не воспринимает. В упор не видит горделивой стати, идеального овала лица, нежной кожи, русых локонов. Ему нет до этого никакого дела. И вдруг однажды что-то происходит. Он прозревает и с удивлением обнаруживает, что рядом живет чудо!

Выезжая на заставы, Бардин часто брал с собой кого-нибудь из «секретчиков», несколько раз на выезд отправлялась Алена. О ней, как и о любом из своих подчиненных, он проявлял элементарную заботу. Если бы его попросили заочно описать ее внешность, Михаил вряд ли смог это сделать. Но однажды...

Закончив совещание с начальниками отделов и служб, Бардин вышел из прокуренного класса. Настроение было отвратительное. Вооруженцы из округа, завершив проверку бронетехники, нашли массу недостатков в ее хранении и отразили свои выводы в акте. Следом позвонил генерал Гончарук, выругал за несвоевременное предоставление отчета о дисциплинарной практике. Бумагу должен составлять заместитель по воспитательной части, но Гончарук предпочитает за все спросить с командира.

Здание штаба отряда одноэтажное, вытянутое. Длинный коридор с дверьми по обе стороны освещен плохо. В самом конце у торцевого окна – комната секретной части. Дверь в «секретку» железная, с окошком, посторонним вход категорически запрещен. Михаил, обрадовавшись, что в штабе пусто, шел по коридору медленно. День выдался трудный, с утра до вечера пришлось мотаться с проверяющими. На ногах – меховые унты, которые так и не успел переодеть.

Вдруг заметил – впереди солдатик идет, махонький, узкоплечий. Тулупчик на нем подстреленный, коленки видны, а шапка на затылок сбита – на чем только держится. Голенища валенок щегольски подвернуты. Словом, не воин, службою живущий, а первый парень на селе.

Ну и вид у оболтуса, подумал, догоняя солдатика, чтобы как следует отчитать. В этот момент «доблестный» воин подошел к «секретке», отпер дверь и исчез. Ах, наглец! Откуда ключ взял? Человек импульсивный, он подскочил к двери, рывком открыл ее и рывком что-то вроде: «Куда ты, засранец, приперся?» И услышал в ответ:

– Вот не предполагала, что вы умеете так изящно выражаться, товарищ подполковник.

Бардин обалдел. Он узнал Алену. И впервые увидел, какая она красавица.

– Рядовой Куница? Простите, обознался, – покаянно промямлил Михаил.

– И часто вы принимаете женщин за мужчин? – серебристо рассмеялась «секретчица», демонстрируя ямочки на румяных щеках.

– Нет, конечно нет! – воскликнул Бардин. – Еще раз прошу меня извинить!

Он торопливо вышел, захлопнул за собой дверь, унося стоящий перед мысленным взором сияющий, чрезвычайно привлекательный образ. Такой и врезалась Елена Куница в память.

На свою беду Михаил Бардин встретил ту единственную, без которой не сможет жить дальше. А она?.. Умница Аленушка, тонкая, чуткая, конечно же не могла не догадаться о его чувствах. Взгляды порой красноречивее слов. Только зачем это? Трагедия в том, что солдат-контрактник Аленушка – мужняя жена. Прапорщик Куница не только ее супруг, но и его подчиненный. Тут уж ни прибавить, ни убавить. Как говорится, приехали – точка. Нетрудно представить, какой грандиозный скандал разразится в округе, если начальник отряда подполковник Бардин что-либо себе позволит. И будут правы. Семья для пограничника – святая святых. Тому, кто на нее покушается, нет ни прощения, ни пощады. Так их приучили с юности...

– Не пойму, почему Забутняк резину тянет? – вторгся в невеселые мысли Бардина ворчливый голос Исакова. – Давно пора закруглиться.

В этот момент со стороны задержанного судна послышался шум. На палубу высыпала группа людей. Они подошли к борту и один за другим спустились в шлюпку. На судне тут же застучал двигатель, послышался характерный скрежет вытаскиваемой якорной цепи.

– Он что, спятил? – взревел Исаков. – Не узнаю Забутняка. Он не должен был просто так, за здорово живешь, их отпускать.

– Да почему ты так уверен, командир, что контрабанда должна быть?

– Обязательно должна. Для чего иначе им с китайцами встречаться? Чтобы на ночь глядя облобызаться и пожелать крепкого сна? Нет, дорогой, меня на мякине не проведешь.

Шлюпка с каждым взмахом весел ходко приближалась к кораблю. Речной толкач, развернувшись на середине реки, двинулся вниз по течению. Глядя ему вслед, Исаков язвительно заметил:

– Небось у шкипера до сих пор поджилки трясутся. Ох, и боятся нас, когда начинаем трясти...

– Если виноваты, – заметил с усмешкой Бардин.

– Мы зря не задерживаем. До сих пор ни единой промашки не случилось...

Шлюпка легонько стукнулась о борт корабля. Боцман, взлетевший по веревочному трапу, поспешил к командиру.

– Ну, докладывай, Иван Николаевич! – нетерпеливо потребовал Исаков. – Что нашли?

– А ничего, – развел руками Забутняк.

– Как ничего? Не может того быть!

– Может, командир! – воскликнул боцман. – Я тоже поначалу отказывался верить.

– Плохо искали!

– Обижаете, командир, искали нормально, обшарили от киля до клотика. Я на таком корыте еще на гражданке юнгой плавал, все потаенные места знаю и потому ручаюсь: не было запретного груза.

– Тогда отвечай, боцман, зачем толкач с джонкой стыковался? Не можешь? И я не могу. – Исаков тяжело вздохнул. – А вдруг они перед вашим появлением выбросили груз за борт?

– Нет, командир, – твердо ответил Забутняк, – не такие они богачи, чтобы дорогим товаром швыряться... Но у меня есть одно наблюдение: уж очень спокойным был капитан. Обычно при нашем появлении они суетиться начинают, а этот подошел и спокойно говорит: ищи, мичман, что найдешь – твое.

– Ты что-нибудь понимаешь? – повернулся Исаков к Бардину. – Очень странный случай...

– А был ли действительно контакт с китайцами? – задумчиво спросил Бардин.

– Точно был, – подтвердил Исаков.

– Тогда все это выглядит более чем подозрительно. Сообщи-ка немедленно, Сергей Михайлович, о случившемся разведчикам. Пусть проверят по своим каналам и попробуют разобраться.

– Правильно подсказал, подполковник. Сейчас же дам команду отстучать на базу шифровки. Ты иди в мою каюту, отдыхай, а мне на вахту. Будь!

Исаков хлопнул Бардина по плечу и скрылся в стальном проеме. А Михаил еще долго стоял у леерного ограждения. Корабль шел полным ходом. Он двигался по фарватеру всего в нескольких метрах от границы. С одной стороны лежала наша земля, с другой – чужая, но тайга, стоявшая по берегам, была совершенно одинаковой.

3. СМЕНА КУРСА

Проснулся Костя в холодном поту. Опять эти видения, этот сон, замешанный на кровавой яви! Он преследует, мучает. Проходят месяцы, годы, а проклятое прошлое никак не отпускает. Всякий раз одно и то же, одно и то же...

Он отчетливо, до мельчайших деталей видит происшедшее в ту дикую ночь, и это нестерпимо. Нервы ощутимо болят. Невмоготу сдерживать рвущийся из горла крик. Каждое мгновение встает перед мысленным взором, словно это случилось вчера, а не в девяносто шестом.

...На город наплзает ночь. Непроницаемой стеной встает тьма. Дома тонут в ней – в нескольких метрах ничего не рассмотреть. Подобно молниям небо раскалывают огненные пулеметные трассы. Разрывы снарядов, как удары грома. Дышишь плотной пороховой гарью, пропитанной вонью отработанной солярки, отчего в горле першит, а на губах – горечь. Танки и бронетранспортеры, вытянувшись в длиннющую колонну, надсадно режут.

Вспышки выстрелов ослепляют. Темнота после них становится еще гуще. Куда двигаться, где сворачивать, как уклониться от ракет, пронизывающих броню насквозь?.. Были обещаны проводники, сопровождение пехоты, инженерное прикрытие, а на деле ничего. Без сопровождения и прикрытия боевые машины в ночном бою в городе – слепые котятка. Они совершенно беззащитны. На каждом метре их подстерегают мины или фугасы. Здания по обеим сторонам улицы буквально напичканы гранатометчиками и снайперами, взявшими каждую машину на прицел.

Леденец сидит в башне головной машины. Им овладело самое страшное в бою ощущение собственной беспомощности. А ведь он на войне не новичок, почему фунт окопного лиха изведать на собственной шкуре. Дважды был продырявлен еще в Афгане.

К бессилию примешивалась злость. Какая нелегкая понесла его из погранвойск в десантуру? Какого дьявола их сунули в это пекло? Не дело спецназа штурмовать город! Но если уж обстановка вынудила командование использовать именно их, то уж могли бы обеспечить всем необходимым...

Снаряд сорвал гусеницу с головного танка, и тот, вспахивая асфальт, развернулся почти на месте, перегородив улицу. Еще не услышав удара, Костя ощутил, как в жалюзи моторного отделения впился снаряд. Танк вздрогнул, словно живое существо, которому причинили нестерпимую боль.

«Уходить всем, мать твою!» – кричит Леденец в переговорное устройство, отчетливо понимая, что в следующую минуту последует взрыв. В машине полные баки горючего и боекомплект снарядов. Сам он рывком открыл верхний люк, выскочил из башни, скатился с танка и бросился в кювет.

В колонне уже вспыхнули два бэтэра, а неподалеку пылают шесть машин. От этих «факелов» на улице стало светло, словно днем. С броников посыпались солдаты. Одетые в комбинезоны спецназовцы видны как на ладони. Какие мишени! Их косят одного за другим. У чеченских боевиков богатый фронтовой опыт. Стреляют они без промаха.

Падают сраженные солдаты. Сердце Леденца разрывается от ужаса, потому что он ничего не в состоянии изменить, не может повлиять на роковой ход событий и предотвратить гибель людей. Их послали не в бой, а на убой! Будь проклят тот, кто посмел так распорядиться чужими жизнями!

Костя и сам уже перестал различать, во сне ли наяву он видит кошмарные картины той ночи, когда погибла почти вся его замечательная рота. Механик-водитель головной машины, запикивающий вывалившиеся внутренности в развороченный осколком живот. Харкающий кровью взводный с перебитым горлом. Сержант, у которого раздроблены ноги, а выше колен

выперли расщепленные кости... Ужас охватывает при виде этого ада. Трясет от озноба. Кому бы рассказать? Некому. Но и забыть нельзя!

Костя отбрасывает одеяло, вскакивает, чтобы прервать безумный в кровавой обнаженности бред. Когда же его перестанут преследовать ужасы прошлого? Или суждено до конца дней нести это бремя?

Лучи раннего майского солнца заглянули в окно, скользят по забитому хрусталем пузатому серванту, по платянному шкафу. Комната переполнена мебелью. Будь Костя тут хозяином, в первую очередь выкинул бы круглый стол образца начала века и массивную этажерку с жалкой стопочкой книг. Но он – человек бесправный, всего лишь квартирант. Чтобы не платить налог, хозяйка не прописывает постояльца даже временно. Для соседей он дальний родственник, немного, правда, загостившийся. Вообще-то Костю такое положение устраивает. Лишняя засветка в милиции вовсе ни к чему. Дела его не то чтобы криминальные, но рекламировать их не стоит...

Что касается места жительства, в паспорте стоит штамп прописки в Ростове-на-Дону, под крышей, так сказать, отчего дома, давно стертого с лица земли бульдозером. На том месте выстроили девятиэтажку, в которой квартиру предназначали предкам. Не дожили, родители, до светлого двухкомнатного рая, ушли в мир иной. Косте же, как прошедшему Афган и Чечню, даровали милость – разрешили продать идущий на слом родительский домик. Эскапитан Леденец, бывший командир бывшей роты спецназа, а ныне отставной козы барабанщик, на полученные от продажи наследства деньги сумел какое-то время перекантоваться. Потом наступили черные дни.

С устройством на работу не ладилось. Он поступил в клуб тренером по рукопашному бою, но калеку из спорта быстро поперли. В телохранители подался, но вскоре самокритично определил, что за молодым шефом на кривой ноге не поспекает. Был в ремеслухе преподавателем военного дела, охранником на каком-то складе, даже вышибалой в кабаке. Нигде не прижился, характер-то с гонорком. О том, чтобы спину гнуть или пятки лизать, даже речи идти не могло. Да и платили везде копейки, чтобы с голодухи, значит, не подох, но пожрать досыта не мечтай.

Леденец посмотрел на часы. Ровно в семь он назначил встречу Фарту. Тот точен, как хронометр. Тридцать лет без малого оттрубил Семен Фартышный, он же Фарт, в армии. Дослужился всего лишь до майора, но военная выучка въелась в плоть и кровь. Всегда подтянутый, аккуратный, мужик был до тошноты исполнителен. Фарту можно было поручать какое угодно дело и не контролировать выполнение. Хоть и был он старше шефа на десяток лет, но уважал и никогда не задавал лишних вопросов.

Сильно прихрамывая, Леденец торопливо шел по улице. Сегодня нога болела сильнее обычного, но Костя не снижал темпа, чтобы не опоздать. Фарт попросил непременно прийти. Он раздобыл новую информацию и хотел поделиться ею с шефом. Приглашать к себе Костя не мог – хозяйка была не в меру любопытной. Фарт же обитал один в двухкомнатной квартире. Он давно развелся с женой и новую семью заводить не собирался. В его логове царил образцовый порядок, и можно было поговорить без помех. Дом был вне подозрений. Рядом находился штаб ДВО с часовым у входа. Посторонние тут не ошивались.

Фартышный стоял у истоков созданной Костей организации и был, собственно, ее вдохновителем. Когда они познакомились, а афганцы сходятся быстро, оба сидели на мели. Фарта как раз турнули из фирмы, где он был кадровиком. Бывший контрразведчик слишком тщательно вел дела, а «новым русским» это было не нужно.

Леденец тоже погорел на последней работе. Он пристроился к речникам, приторговывающим китайской контрабандой. Но когда увидел, как они нагло обманывают погранцов, возмутился, потому как сам много лет носил зеленую фуражку.

Поведав друг другу о своих бедах, оба задумались, на что и как жить дальше. Тут-то экс-майор и подкинул идейку. Знакомый ресторатор, мол, жаловался, что его донимает рэкет, и предложил взять его под опеку.

– Захочет ли твой ресторатор менять шило на мыло? – спросил Костя. – Мы ж не безвозмездно станем работать?

– А мы по-божески брать станем и, сам понимаешь, отработаем с лихвой. Для такого дела у меня есть крепкие ребята. Бывшие сослуживцы хорошему делу послужить готовы. Мы ведь собираемся обиженных защищать?

В предложении Фартышного было что-то очень привлекательное. С одной стороны – настоящая мужская работа, с другой – помощь беззащитным. Среди бывших афганцев много безработных ребят с крепкими кулаками. Но одной мускульной силы маловато. Противник серьезный, шутить не станет. Понадобятся стволы... Ну да народ у нас запасливый. Из Афгана, из Чечни ребяташки пустыми не возвращались.

– Там, где оружие, там криминал, – сказал Леденец.

– С волками жить... – пожал плечами Фартышный. – Иначе остатнюю жизнь будем хлеб жевать и прокисшим квасом запивать. Да не дрейфь! На пару стволов я смогу разрешение добыть...

Больше всего на Костю произвела впечатление перспектива питья прокисшего кваса, но... Так называемую фирму придется легализовать. Как это оформляется, Леденец, далекий от бюрократических крючкотворов, совершенно не представлял.

– Любая работа требует профессионализма, – сказал Костя. – Не суйся в воду, не зная броду.

Фартышный искренне возмутился:

– Я контрразведчик, ты спецназовец, бывший погранец. Боевой опыт у каждого очень даже серьезный. Неужто шпана тутотшня хитрее чеченов?.. Вот и будем действовать по-военному: разведка, засада, боевое охранение. Становись во главе!

– Почему я, а не ты? – удивился Леденец.

– Потому что я штабник, в подручных всю сознательную жизнь ходил. А ты от природы командир, грудь в орденах. За тобой ребята пойдут...

В рассуждениях Фартышного был известный резон. Если подойти грамотно, дело обязательно выгорит. С торговлей не получилось, потому что всякой шушере доверял. С контрабандой тоже не сладилось. Работенка оказалась прибыльной, но уж очень дурно пахла. В общем, жить лучше в ладах с уголовным кодексом.

В идее Фартышного было не только рациональное зерно, в ней был определенный шарм. Защищать людей от поборов бандюг – достаточно благородная задача! Вовсе уж чистеньким не останешься, столкновений с криминальным миром не избежишь, но стоит ли бояться тому, кто много раз смотрел в лицо смерти?..

Начали с малого. Собрали ребят, поговорили по-свойски и пришли к однозначному решению: фирме быть! Договорились со знакомым Фарту владельцем ресторана и устроили в его заведении засаду по всем правилам военного искусства. Рэкетиров повязали. Те оказались слабаками, быстро раскололись на допросе, который, естественно, вел Фарт, что было по его части. Они привели афганцев к своему хозяину, который «нормального» языка не понял. Пришлось растолковать на кулаках...

Постепенно авторитет охранного агентства «Заслон» начал расти. Ребята подобрались отчаянные, выдавшие виды. Конечно, не обходилось без эксцессов, но мелкая шушера с афганцами предпочитала не связываться. Круг опекаемых охранной фирмой людей расширился. К первым клиентам добавились палаточники с набережной, затем знаменитый в Хабаровске «Салон красоты», а позже – рыбаки, привозившие на причал улов, этих рэкетеры вообще обдирали до нитки. Те, кого бандиты особенно донимали, сами находили афганцев и просили о

помощи. В общем, Косте нравилась его нынешняя роль этакого Робин Гуда. Он даже чуточку любовался собой. Власти ведь не смогли помочь простому люду, а он...

Фарт открыл Косте дверь и машинально взглянул на часы. Было ровно семь.

– Заходи. Есть хочешь? – спросил шефа.

– Не откажусь.

– Тогда рули на кухню. Сейчас что-нибудь сообразим.

Был Фартышный мужиком высоким, плотного сложения. Все в нем было крупно: скуластое с квадратным подбородком и тяжелой нижней челюстью лицо, искривленный нос. В ладони могла запросто уместиться противотанковая граната, а сапоги – пожизненная проблема хозяина, были сорок седьмого размера. Несмотря на это, двигался Фарт легко и в кухне чувствовал себя прекрасно. Поджарив яичницу из пяти яиц, он поставил сковороду на стол, насыпал в поллитровую кружку три ложки растворимого кофе и залил кипятком. Закончив хозяйственные работы, уселся напротив и сказал:

– Есть неприятные сигналы, шеф.

– Слушаю тебя. – Костя вытянул ноющую ногу. Как бы снова не загреметь на больничную койку. – Если ты об ухудшении обстановки в городе, то ясно, откуда ветер подул. Амнистия. Как летом пятьдесят третьего...

Фартышный неодобрительно покосился на шефа. Он вообще недоверчиво относился к слухам и сплетням, тем более к официозу. Как истый особист, экс-майор по лучшим канонам светлого прошлого создал собственную сеть осведомителей. «Разведданные» стекались к нему из разных источников. Их можно было сопоставить и выбрать наиболее достоверные.

– На днях со старым приятелем встретился, – сообщил Леденец, прихлебывая кофе. – Он мне доверительно признался, что усилился приток китайской контрабанды. Чуешь, Фарт? Если оживится торговля, возрастет рэкет.

– Что за приятель? – подозрительно спросил Фартышный. – Откуда у него сведения?

– Верней не бывает, – усмехнулся Леденец. – Да и Кроткий сигнализировал, будто банда Лапы активизировалась.

– стакан стаканых соврет – недорого возьмет, – буркнул Фартышный. – Балабон!

Он недолюбливал второго зама Кости, носившего безобидную фамилию и занимавшегося оперативными вопросами. Даже прозвище придумал ему обидное, правда, не без основания. Степан Степанович Кроткий любил выпить, особенно за чужой счет. Его, собственно, из армии турнули за пьянку. Мужик, рассказывали, вроде бы неплохо воевал в Афгане, был ранен, награжден орденом, но из-за пагубной страсти за двенадцать лет службы дослужился лишь до старлея.

Кроткий и внешне был полной противоположностью Фартышному. Небольшого росточка, худой, узкоплечий, с ввалившимися щеками и тонкими ножками, он, в отличие от основательного, веско роняющего слова Фарта, был крайне подвижным и импульсивным.

За приверженность к «зеленому змию» Кроткий часто получал от Кости нагоняй. Надо знать, твердил шеф, где, когда и сколько, а главное – с кем... Кроткий в ответ тараторил: «Ну что ты, командир! Не серчай, я свою норму знаю».

– Не кати на малыша бочку, надоело, – заметил Костя с укоризной. – У него в банде Лапы свой человек имеется.

– Думаешь, у меня нет? – набычился Фартышный.

– Тогда объединяй усилия.

– Ну уж нет! В мою епархию пусть никто больше не суется.

– Пора бы вам с Кротким обнюхаться, – с досадой сказал Леденец.

Самолюбивый сыскарь не терпел соперничества, а ревнивое отношение к Кроткому особенно усилилось после того, как именно стакан стаканых, сохранившему милицейские связи, удалось выправить лицензию на организацию охранный агенства «Заслон». Отдавая Косте

заветный документ, он с подначкой сказал: «Похвалялись тут некоторые, да лапищи коротки оказались...» И выразительно поглядел на Фарта. Тот промолчал, но зло в душе затаил. Вдобавок ко всему на бумаге Кроткий числился его начальником, шефом фирмы. Руководил, разумеется, Леденец, но полулегальное положение в Хабаровске не позволяло оформить на него документы.

Фартышный не отозвался на последнюю реплику Кости, и тот раздраженно заметил:

– Пойми, Семен, мы в одной упряжке. Раздрай между нами совершенно недопустим.

– Не надо на меня давить, шеф. Я знаю цену Стаканычу.

– Чем же он плох? Дело знает, в обстановке разбирается, инициативен. Рюмку, конечно, любит опрокинуть, но кто среди нашего брата без этого греха?

– Не рюмку, а поллитровку, – подхватил Фартышный. – Мы на свои гуляем, а Стаканыч норовит дуриком проскочить. Это очень неприятный симптом – подкупить могут...

– Разве он подвел хоть однажды?

– Не хотел говорить, шеф, – нахмурился Фартышный, – но, наверное, надо. Во время последней акции на пристани, когда тебя не было, Стаканыч заглянул перед делом в ресторан. Его, естественно, обласкали, бутылка на стол. Выполз оттуда наш мужичишко, изрядно нагрузившись, и с ходу выхватил ствол. Мы гадов уже прижали, стали по-хорошему договариваться, а Стаканыч потасовку устроил. Едва ноги унесли...

– Почему сразу не доложил?

– Не хотел расстраивать.

– Так дело не пойдет, Семен! – сердито сказал Леденец. – У нас не шарашка. У нас дисциплина должна быть, иначе похоронят... Кроткого придется наказать!

– Не надо, – неожиданно попросил Фартышный. – Обо мне подумай. Как буду выглядеть?

– При чем тут ты?

– При том, что в сексотах ходить не люблю. А кроме меня, доложить тебе о происшествии некому. Так что не трогай на сей раз Стаканыча, прошу...

– Будь по-твоему, – неохотно согласился Костя. – Но за Кротким пригляди. Это прежде всего твоя забота и функциональная обязанность. За кадры жестко спрошу!.. И давай вернемся к главному. Меня серьезно заинтересовал приток контрабанды.

– Извини, шеф, еще немного о другом... Должен тебя проинформировать: братва недовольна.

– На что или на кого ропщут?

– Работенка, говорят, пыльная, а доходы мизерные. Сам ведь приказал брать с подопечных по минимуму. Если так будет продолжаться, разбегутся хлопчики.

– Что ты предлагаешь? – в упор спросил Костя.

Фартышный выдержал испытывающий взгляд шефа и спокойно ответил:

– Я считаю, с некоторых пор мы стали мелко плавать. «Заслон» окреп, набрал силу. У меня созрела мысль взять поступающие из-за кордона грузы под свой контроль.

– Хочешь окончательно перейти грань закона?

– Надо смотреть правде в глаза, шеф: в той или иной мере мы это делаем ежедневно. Но не так страшен черт...

– Давай поконкретней, – перебил Леденец. – Мне надоели общие слова.

– Схема предельно простая, – осторожно начал Фарт. Он еще не понял, насколько удалось заинтересовать шефа. – Контрабанда поступает в край по нескольким каналам. Все они давно отлажены, выявить их не составит труда. Затем постараемся поставить определенные заслоны на путях товаров, и начнем.

– Придется выйти на таможеню, – заметил Костя.

– Сделаем. Там у меня знакомцы.

– Речников в расчет взял? У них нынче в моде меновые сделки.

– Судов, имеющих возможность входить в контакт с китайцами, немного. Их тоже постараемся поставить под контроль. Труднее уследить за рыбаками, но и здесь есть зацепка. Еще на службе я столкнулся с хитрой конторой по имени Рыбнадзор. Они нас красной рыбкой по имени амур снабжали. Вот на этот Рыбнадзор надо попытаться накинуть цепочку, там есть приятные хлопцы...

– Ну, брат, удивил и порадовал. Похоже, ты уже всю систему разработал, – уважительно заметил Костя.

– Жить-то надо, – отозвался Фартышный, явно довольный похвалой шефа. – Фирма должна широко развернуться.

– Надеешься, власти нас не вычислят?

Фарт насупился:

– Да пошли они... Разве не власть выкинула тебя, меня и тысячи таких же на помойку? За верную службу и преданность Родине сделали нас нищими, бомжами. Прости, шеф, не знаю, как ты, а я лично ничего этой власти не должен.

– Так ведь лицензию отберут.

– Не отдадим! Пусть попробуют!.. Сейчас все воруют, набивают мошну, строят особняки. Я всего-то предлагаю ворюгам с нами поделиться...

– Кончай петь Лазаря, Семен, – прервал его Костя. – Вернемся в имеющиеся обстоятельства. Твое предложение обдумаем, все тщательно взвесим, разведем и уж потом...

– Но в принципе, шеф, положи руку на сердце, ты согласен со мной? – спросил Фартышный. Он умел быть настойчивым и не любил неопределенности.

Костя встал, вышел из кухни, увлекая за собой хозяина. Потом, задумчиво глядя в окно, сказал:

– Пока что одни словеса... Но курс менять будем!

4. НЕРАЗРЕШИМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Едва Бардин переступил порог штаба, как к нему, шумно распахнув дверь, ввалился Постовский. В небольшом кабинете начальника отряда сразу стало тесно. Постовский был не так уж высок, почти вровень с шефом, зато широк и тучен. Большая с редкими волосенками голова на короткой шее венчала массивный торс. Начальник штаба усиленно играл в волейбол, бегал десятикилометровые кроссы вместе с солдатами, но сбросить лишний вес не удавалось. И он, оправдываясь, неизменно повторял: «У нас в Криницах уся порода такая. Полсела Постовских, и усе дюже габаритны...»

Родом начальник штаба был из Западной Украины и впервые уехал из дома, когда по разнарядке военкомата отправился поступать в Алма-Атинское погранучилище. Там сельский парень увидел диво-дивное – живого верблюда, узнал, что такое арык.

– Извини, Михаил Иванович, – загудел начштаба с порога, – не хотел с утра пораньше тревожить, но нужда погнала.

Постовский сокрушенно развел руками. Он знал, что в железном распорядке начальника отряда первые утренние тридцать минут отданы работе с документами, поступившими накануне.

– Что-нибудь срочное? – спросил Бардин недовольно.

– Да как тебе сказать... – Начштаба тяжело опустился на стул и достал пачку сигарет. Он был еще более заядлым курильщиком, чем шеф. – Ситуация, понимаешь, не требует отлагательства...

– Изложи внятно. Я слушаю.

– Вчера вечером навестил меня начальник райотдела милиции подполковник Шпонка.

– Зачем прибыл, пояснил?

– Говорит, соскучился. Ехал мимо, решил поприветствовать. Ты его знаешь?

– Встречались. Скользкий тип.

– Вот и у меня такое же ощущение. Я его спрашиваю, как в районе с контрабандой? Слышал, приток увеличился? А подполковник делает круглые глаза. Ничего подобного, говорит, следим строго... Может, и следят, но ты помнишь, что нам недавно Пэ Пэ говорил? Прет товарищ из-за рубежа вовсю.

– Помню и знаю: разведчик наш зря таких вещей сообщать не станет, – сказал Михаил, прикуривая сигарету. – И генерал Гончарук, когда я был в округе, о том же самом толковал... Короче, надо выяснить, как действительно обстоят дела с контрабандой в нашем районе. Ты вот что, Зиновий, вызови Смолистого и поставь перед ним задачу. Срок даю четыре дня. Пусть все тщательно проверит. После его доклада решим, нужно ли принимать меры. Что-нибудь еще?

– Тут, понимаешь, один сигнальчик настораживает. Утром звонил начальник Кирсановки.

– Хмель? – спросил Бардин. – Я с ним вчера разговаривал, все было в порядке.

Он очень симпатизировал начальнику заставы Кирсановки. Тот напоминал ему собственную офицерскую молодость, когда двадцатидвухлетним старлеем Михаил стал самостоятельным командиром подразделения. Олег Хмель, как и Бардин в свое время, понюхал пороха и был награжден новым, только что введенным орденом Мужества.

– Вчера, может, порядок был, – сказал Постовский, – а сегодня с утра пораньше Хмель сказки мне начал рассказывать про какой-то старый монастырь.

– Есть такой на его участке, – заметил Бардин. – На оспариваемой территории.

– Буддийский, что ли?

– Наш, православный. Когда-то стоял он на том же мысу, что и Кирсановка. Построили его русские монахи. Они же канал прокопали, в который позднее Амур ринулся и образовал протоку. Но это уже после революции было, когда и монахов, и беляков, что к ним пристроились, из монастыря, скажем так, удалили, и все вскорости пришло в запустение. А до того обитель процветала. Казаки святых отцов почитали, и рублем, и оружием поддерживали, потому, должно быть, ни китайцы, ни маньчжуры их не трогали. А теперь вот «опамятовались», исконно китайским этот вновь образовавшийся по воле Амура-батюшки остров считают. Правда, дальше деклараций не идут, пошумели в шестидесятых и успокоились.

– Не скажи. Старший лейтенант Хмель доложил: в старом монастыре началась какая-то подозрительная возня. Это его обеспокоило.

– Правильно, – резко сказал Бардин. – Когда на оспариваемой территории что-то происходит, начальник заставы обязан встревожиться... С этим я, пожалуй, сам разберусь. Там, кстати, где-то рядом «Стремительный» стоит. Надо Исакова расспросить, не заметил ли чего подозрительного. Распорядись, чтобы через час к штабу подали машину. Заодно из своих, кого сочтешь нужным, направь, пусть поработают на Кирсановке.

Постовский ушел, но Бардину так и не удалось сосредоточиться. Сообщение начальника штаба вызвало тревогу. У Михаила уже возникала мысль послать в монастырь разведчиков, да все откладывал: лезть на оспариваемый участок без достаточных на то оснований чревато. Вот и дотянул. А вообще местечко это зловещее. Местные старожилы рассказывали про монастырь ужасные вещи. В Гражданскую войну в нем якобы располагалась колчаковская контрразведка. Людей в подвалах пытали, расстреливали. Позже семеновцы устроили там нечто вроде диверсионной школы. Обучали русских, в основном забайкальских казаков, ушедших с белыми за рубеж. Готовили их для заброски через границу...

В дверь неожиданно заглянула Алена. Михаил вздрогнул: никак не ожидал ее появления.

– Машина ждет, – весело сообщила она. – На Кирсановку направляемся? Документы уже готовы.

У Бардина язык не повернулся сказать, что ей не следует ехать. Еще ничего не произошло, а за спиной, поди, уже ползет шепоток.

– Так я одеваюсь, Михаил Иванович, – не спросила, а сообщила она.

И он снова промолчал. Не смог отказаться от совместной поездки. Сознание, что она будет в машине рядом, заставляло сильнее биться сердце, испытывать грусть и радость одновременно. Сбросив охватившее оцепенение, Бардин встал, отвел глаза в сторону и, проклиная себя за слабость, глухо сказал:

– Через минуту выезжаем...

Узкая, пробитая сквозь чащобу дорога вспарывала тайгу извилистой лентой. Подпрыгивая на бесконечных рытвинах, узик как бы раздвигал могучие разлапистые сосны, которые нехотя расступались.

Михаил сидел рядом с водителем. Он не оборачивался, но каждой клеточкой кожи чувствовал, что позади сидит она, единственная и неповторимая женщина, столь желанная, сколь и недоступная.

Вдали, в таежном прогале, когда они выскочили на сопку, мелькнула зеленовато-голубая, как всегда величественная гладь Амура. Вон он, мыс – рукой подать, но на машине до него по тайге, в объезд топей, через Кирсановку не меньше часа добираться.

– Я катерников предупредил, товарищ подполковник, – сказал водитель. – Они вас ждут, чтобы переправить на мыс.

– Добро! – буркнул Бардин, понимая, что несправедлив к шоферу. Следовало поблагодарить за предусмотрительность, но Михаилу было не до того. Чувствовал он себя препаршиво. Досадовал на начальника штаба: неужто больше некого было послать?

Обычно на Кирсановку Бардин ехал с теплым чувством. Сюда, на отдаленную заставу, любили внезапно наведаться проверяющие из округа. И здесь нельзя было ударить лицом в грязь. На заставе поддерживался образцовый порядок, о чем Михаил постоянно заботился. Но старший лейтенант Хмель и сам делал все для того, чтобы подчиненные несли службу строго по уставу. Офицер старался, не жалея сил, и Михаил испытывал к нему почти отцовские чувства. Был бы у него такой сын!..

Бардин любил детей и очень тосковал по своим двойняшкам, прекрасно сознавая, что увидит их не раньше очередного отпуска. К нему они в обозримом будущем не приедут. Благоверная, когда он предложил поехать всей семьей к новому месту службы, ехидно спросила: «Ты обеспечишь в тайге французскую школу для девочек? И музыкальную тоже?..»

Катер, готовый к отплытию, ждал у дощатого пирса, сооруженного недавно по распоряжению Бардина саперами отряда как раз против Безымянного.

Едва начальник отряда и Алена ступили на палубу, как суденышко тут же отвалило от пирса. Водитель с машиной остался ждать их возвращения на берегу.

На мысу, у такого же пирса, заранее предупрежденный оперативным дежурным, их встретил начальник заставы. Был он светловолос, долговяз и оттого слегка сутулился. Перетянутая широким командирским ремнем талия была тонкой, как у девушки. Большие серые глаза буквально ели начальство. Лихо козырнув, Хмель отчеканил доклад на одном дыхании и от усердия, торопливо отступив в сторону, чтобы пропустить подполковника, поскользнулся.

– Не так резво, – улыбнулся Михаил, помогая начальнику заставы восстановить равновесие. – Ну, докладывай, что у вас тут стряслось?

– Если разрешите, товарищ подполковник, я лучше на местности покажу и прокомментирую. Там сразу станет вам ясно...

– Считаешь, иначе командир не поймет? – усмехнулся Бардин. Настроение у него заметно поднялось. Обстановка, а главное, сознание того, что находишься на передке и от тебя многое зависит, всегда давало ощущение собственной значимости, нужности.

– Ни в коем случае так не считаю, товарищ подполковник! – горячо воскликнул Хмель, и на его тщательно выбритых щеках заалел румянец. – Но вы сами учили: увидеть всегда надежней.

– Коли так, пошли, – согласился польщенный Бардин. – А спутницу нашу дежурный пусть на заставу проводит. Ей с документами работать.

Остров Безымянный (под таким именем он был обозначен на схемах и рабочих картах) выглядел отлогим, почти безлесым. Лишь редкие группы деревьев стояли неподалеку от уреза воды. За ними тянулись полосы кустарника, карабкающегося по склонам холма. У его подножия, ближе к реке, как раз и стоял православный монастырь. Каменные постройки его чернели проемами выбитых окон, провалами крыш и кирпичными трубами. Лишь на одной из трех колоколен уцелел крест, две другие были обезглавлены. Окружающая монастырь каменная ограда, выщербленная и местами обваленная возле въездных с полукруглой аркой ворот, зияла широченным проломом.

Бардин, неоднократно бывая на Кирсановке, частенько пристально рассматривал в бинокль и остров, служивший яблоком раздора, и чужой берег. Ему по штату было положено изучать обозримую территорию сопредельного государства. Разглядывал он и монастырь, но никогда не акцентировал внимания на картине запустения. Когда-то здесь, в добротных стенах, кипела жизнь. Сверкали золотые купола, и далеко по обе стороны Амура разносился серебряный колокольный звон, зовущий к молитве.

Сам Михаил в Бога не верил, но всегда уважительно относился к религиозным убеждениям других. Сейчас, когда церковь в России начала возрождаться, среди новобранцев попадались верующие. Из этих ребят, честных, непьющих, выходили неплохие солдаты.

На южном берегу мыса рос густой, довольно высокий ивняк. Бардин приказал в нем укрыться. Незачем демонстрировать китайцам интерес к оспариваемой территории вообще и к заброшенному монастырю в частности.

– Надеюсь, старший лейтенант, теперь вам будет удобно докладывать? – спросил Бардин, но Хмель не принял шутливый тон.

– Так точно, товарищ подполковник! Разрешите начать?.. Третьего дня наряд доложил мне, что в районе монастырских развалин замечено движение. Приезжала машина. Люди в количестве пяти человек осматривали постройки, поднимались на стены, что-то копали.

– Вполне могли быть археологи, – заметил Бардин. – Монастырь, говорят, построен еще в восемнадцатом веке.

– Нет, товарищ подполковник, – отрезал Хмель, – археологи не ходят в камуфлированных комбинезонах и не ездят на армейских джипах.

– Полагаете, это были военные?

– Не обязательно армейцы, – неуверенно отозвался начальник заставы. – Мои солдаты знаков различия в бинокль не заметили, но в походке людей, как отметил старший наряда, чувствовалась выправка.

– Наблюдательный у вас народ, – уважительно заметил Михаил.

– На том стоим, – согласился Хмель. Он был доволен похвалой.

– Это все? – поинтересовался Бардин.

– Никак нет, товарищ подполковник. Днем вчера было тихо. Я нарядом дал задание последить за районом монастыря. Сам наблюдал за ним четыре часа – ни малейшего движения! Зато ночью услышал отчетливый шум двигателей. Прибежал на берег – гудят два мотора, а никакой подсветки.

– В полной темноте? – переспросил Бардин. – На прибрежном «автобане» очень легко машину разбить. Да и протока между китайским берегом широка.

– Я тоже сначала поразился, – продолжал начальник заставы, – но потом через прибор ночного видения разглядел: грузовички маленькие, скоростенка у них приличная, и фары имеются, только затемнены. Тогда и подумал, кому и зачем понадобилось туману напускать? Китайским пограничникам играть в прятки ни к чему.

– Правильно мыслишь, старший лейтенант. Продолжай, – приказал Бардин.

– На рассвете я занялся наблюдением лично. Вдруг замечаю в монастырской трапезной, вон там – за колокольной с крестом – появился стол. Самый настоящий обеденный стол. Раньше точно не было, и вдруг – стоит...

Бардин вскинул бинокль, отыскал указанное офицером здание и, присмотревшись, действительно увидел через оконное стекло угол стола.

– Ну, ты и глазастый, старший лейтенант! – воскликнул он. – Вывод из этого странного обстоятельства сделал?

– Так точно. В трапезной несомненно оборудуют место для еды. Крыша на этой части дома в порядке. Печь, похоже, сохранилась – труба торчит целехонькая...

Позади затрещали кусты. Кто-то шел напролом, не заботясь о маскировке. Бардин недовольно оглянулся и увидел знакомое лицо с еще более знакомыми рыжими усами. Командир «Стремительного» собственной персоной, в рубашке кремового цвета, при черных погонах с новыми звездочками на них, шагнул навстречу Бардину.

– Приветствую капитана второго ранга! – обрадовался Михаил, обнимая моряка. – Ты почему скрывал такое событие? Зажать обмыв намерен?

– Ни в коем случае, – ответил Исаков. – Только вчера вечером радиogramму о присвоении звания получил. Так что магарыч за мной.

– Вот что, друзья, – прервал разговор Бардин. – Давайте-ка с берега сматываться, а то китайцы решат, что у нас неприятности, раз большие звезды нагрнули.

– И то верно, – поддержал Исаков. – Эй, хозяин, – повернулся он к начальнику заставы, – веди-ка нас к себе. Там рыбка уже готова. Я коку твоему утренний улов отдал и велел зажарить.

– Ты-то как здесь очутился, Сергей Михайлович? – поинтересовался Бардин, когда они двинулись к заставе.

– Меня сразу, как только ты выехал из штаба, оповестили: начальник отряда, мол, на Кирсановку подался. Разведка, как видишь, зря хлеб не ест.

– Может, у твоей разведки еще какая-нибудь информация имеется?

– Ничего нового для тебя, – сказал моряк. – Даже стола не высмотрели, раззявы. Вернусь, кунки всем надеру, чтоб смотрели в оба!

Дежурный по заставе сержант выскочил на крыльцо и звонко скомандовал: «Смирно!» Кинул руку к головному убору, печатая шаг, подошел к Бардину и четко отрапортовал.

– Проходите, гости дорогие, – радушно пригласил Хмель, позволив себе чуть-чуть расслабиться. – Обед готов?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – отчеканил дежурный и замялся. – Только... товарищу подполковнику звонили из штаба: в отряде генерал-лейтенант Касымджан находится. Ждет его.

– Почему же оперативный дежурный утром из Хабаровска не позвонил? – расстроился Бардин. – Наверняка было известно, куда собирается начальник войск округа.

– Потому что, не в пример моей, твоя разведка, Михаил Иванович, работает плохо, – шутливо отозвался моряк. – Начальство положено встречать и сопровождать. Ну, вперед! Желаю удачи!

– Так вам тоже велено прибыть, товарищ капитан второго ранга, – повернулся дежурный к моряку.

– Выходит, плакала наша рыбка? – засмеялся Исаков и заговорщически подмигнул Бардину. – Как думаешь, переживем? Пусть солдаты съедят за наше здоровье... А мы, может, вечером у тебя и звездочку обмоем.

Всю дорогу до Соколовки Исаков, усевшись рядом с Аленой, развлекал ее байками. Анекдотов он знал множество, рассказывал их со вкусом. Алена без остановки хохотала, Бардин слушал вполуха. Сверлила мысль: зачем пожаловал командующий? Просто так генерал Касымджан по отрядам не шастает. Человек он деловой, основательный, не терпит суеты... В свое время президент Казахстана не случайно обратился именно к нему с просьбой создать в суверенной республике свои пограничные войска. Касымджан блестяще решил эту задачу.

Начальник войск округа любил работать по плану, чтобы попусту не дергать людей. И начальников отрядов учил не мотаться зря по заставам, отвлекая подчиненных от службы и подчищая их грехи. Если бы в Соколовку намечался плановый выезд группы офицеров штаба во главе с командующим, отряд известили бы заранее. А раз не предупредили, значит, выезд срочный? Но в отряде ничего экстраординарного не произошло...

Касымджана они нашли в парке боевых машин. Тот сидел в бэтээре на месте механика-водителя. Над броней возвышалась голова в черном танкошлеме, делавшем и без того сухощавое лицо генерала еще более строгим. Впалые щеки, тонкие губы и острый, слегка выдающийся вперед подбородок придавали ему аскетический вид. Рядом с броником стоял навытяжку Постовский.

– Горючее залили? – спросил генерал.

– Два литра, как вы приказывали, товарищ генерал-лейтенант, – отчеканил начальник штаба.

– Хорошо. Посмотрим, в каком состоянии находится техника на боевом хранении, – усмехнулся Касымджан и нажал на стартер.

Мотор несколько раз чихнул, заворчал и завелся. Генерал удовлетворенно хмыкнул, дал газ посильнее и, прогрев двигатель, заглушил его.

– Кажется, порядок, – сказал, вылезая из люка. – А вот и господа командиры пожаловали! Спрыгнув на землю, генерал жестом остановил доклад Бардина, стащил с головы танкошлем, пригладил пятерней обильно посеребренные жесткие волосы и надел протянутую адъютантом фуражку. Потом пожал руки офицерам и насмешливо спросил:

– Теряетесь в догадках? Зачем, дескать, старик пожаловал в ваши владения? Или не так?.. А я, признаться, и сам не знал, что к обеду окажусь в Соколовке. Не такой уж ваш начальник предсказуемый, как некоторые думают.

Генерал говорил неконкретно, но доброжелательно, и Бардину полегчало.

– Прошу садиться, господа командиры, – предложил Касымджан, когда они зашли в кабинет Бардина. Генерал снял фуражку, на сей раз пригладил непокорные вихры расческой и спросил у Постовского: – Разведчик на месте?.. Зови, дело прежде всего его касается.

Пэ Пэ явился мгновенно, будто стоял за дверью.

– Подполковник Смолистый по вашему приказанию прибыл! – лихо козырнул он.

– Здравствуй, Петр Петрович, – протянул ему руку генерал. – Ты нам сейчас позарез понадобишься.

Командующий был давно знаком с начальником разведки отряда и сам выдвинул его на эту должность. Кадровики сопротивлялись. У Смолистого не было академического образования, но генерал настоял на своем и, как показало время, поступил правильно.

Смолистый сел, словно переломился. Был он высок ростом и не просто худой, а тощий, чем приводил Постовского, страдающего от избыточного веса, в негодование. «Сознайся, – допытывался он, – тебя жинка совсем не кормит? Предлагаю хоть на время поменяться...»

Касымджан наклонил голову, оглядел собравшихся и, откинувшись на спинку стула, произнес:

– Есть пренеприятнейшее известие, господа-командиры. Касается оно непосредственно нас. Не буду долго томить. Коллеги из ФСБ сегодня утром сообщили мне следующее: в одном из домов деревни Кирсановка обнаружен оружейный склад. В нем автоматы, пистолеты, гранатометы – все китайского производства...

Касымджан стремительно встал, отодвинул занавеску, закрывающую большую карту участка границы, охраняемого Соколовским отрядом.

– Вот смотрите, – кивнул он на карту. – Железная дорога возле Кирсановки не проходит. Единственная лесная дорога, ведущая к селу, давно взята под наблюдение ребятами из ФСБ. Тут не прошла, по их сведениям, ни одна чужая машина. Вы, Михаил Иванович, – повернулся он к Бардину, – в своих донесениях утверждаете, что за последние полгода прорыва границы на вашем участке не было.

– Совершенно точно, – вскочил Бардин, – могу это повторить.

– Садитесь, – досадливо махнул рукой генерал. – Сам знаю, нарушений не было. Откуда тогда в Кирсановке появился склад?

– Может, оружие лежит там давно? – осторожно предположил Постовский.

– Проверили. Экспертиза показала: автоматы новые, производства этого года.

– Не с неба же они свалились? – пробормотал Смолистый.

– И такую версию отработали, – усмехнулся командующий. – Система ПВО Дальневосточного военного округа сообщила: нарушений воздушного пространства не зафиксировано. Что скажете, господа командиры?

Наступила зловещая пауза. Никто высказываться не торопился. Да и о чем говорить?.. Затянувшееся молчание нарушил Касымджан.

– По глазам вижу, что мнение, точнее его полное отсутствие, – единодушно. Но все же хочу взбодрить: вы не одиноки. В штабе округа тоже не смогли предложить ничего толкового. Только ваш любимый оппонент генерал Гончарук, – он посмотрел выразительно на Бардина, – обратил внимание на то обстоятельство, что контрабанда в Соколовском районе появлялась и

прежде. И тоже неизвестно каким образом. А это значит, что есть неведомый нам путь проникновения через границу. Не может не быть!.. Кстати, Сергей Михайлович, – обратился командующий к Исакову, – меня очень насторожила история с речным толкачом, который вы досматривали месяц назад.

– Мне толкач этот тоже покоя не дает! – отозвался моряк. – По всем законам контрабанда должна была оказаться, а мы не нашли.

– Возможно, плохо искали?

– Не могу согласиться, товарищ генерал-лейтенант, – горячо возразил Исаков. – Я на досмотр Забутняка посылал.

– Боцмана вашего знаю, битый морской волк... Да, чуть не забыл. Поздравляю, Сергей Михайлович, с присвоением очередного звания!.. – Он крепко потряс руку смутившемуся моряку и повернулся к Бардину: – Расскажите, подполковник, что происходит в районе Кирсановки. В общих чертах начальник штаба доложил, но меня интересуют подробности.

Бардин пересказал все, что узнал от Хмеля, и командующий задумался. Ему явно не понравилось появление китайцев на острове. Что оно могло означать?.. Выяснить можно, если побывать на месте, но сделать это так, чтобы комар носу не подточил.

– У вас есть на примете человек, способный грамотно рискнуть, чтобы проникнуть в монастырь? – спросил генерал у Смолистого.

– Есть, – не задумываясь, ответил начальник разведки. – Прапорщику Николаю Кунице могу доверить самое тонкое дело. Мужик пятнадцать лет в разведке.

– Помню его. Медаль «За отличие в охране государственной границы» недавно твоему разведчику вручал... Что ж, не возражаю против такой кандидатуры. Быть посему! Только не тяни...

– Не беспокойтесь, – заверил генерала Смолистый. – Завтра и пошлем. Лично проинструктирую.

– Пороть горячку тоже не следует, – сердито отреагировал Касымджан. – Операция деликатная, изволь подготовиться ювелирно... И вот что. Сейчас мы все махнем в Кирсановку. На месте всегда виднее.

– Время обеденное, товарищ генерал, – напомнил Бардин. Как хозяин, он обязан был позаботиться о гостях.

Касымджан остановился, поглядел на часы и сказал:

– Ты вот что сделай, Михаил Иванович. Позвони в Кирсановку и закажи обед в комендатуре. Попробуем, чем кормят в далеком гарнизоне. По машинам!..

5. ЗАГАДКИ, ЗАГАДКИ...

Инструктаж начальника разведки был коротким. Прапорщик Куница, как и переводчик спецгруппы капитан Ванчен, уже побывал предварительно на Кирсановке. Двое суток днем и ночью, с редкими перерывами на сон, вели там наблюдение за районом, прилегающим к монастырю. Скрупулезно, как только возможно со своего берега, изучили подходы к развалинам, места, где придется, в случае чего, укрыться. Отметили также самые трудные для преодоления открытые пространства и конечно же пути отхода.

В общих чертах разведчики уже знали, что предстоит делать. Подполковник Смолистый только уточнил детали заданий и вопросительно поглядел на сидящих перед ним подчиненных. Взгляд больших светло-серых глаз был тяжелым. Он ждал вопросов и знал, что их не будет. В подчиненной ему спецгруппе давно усвоили установку начальника: всего заранее в свободном поиске не предусмотреть, поэтому действуй по обстановке, будь осторожен, но инициативен. Бестолковых Смолистый в спецгруппе не держал.

– Значит, все ясно? – заключил подполковник. В голосе прозвучало явное одобрение, а на худом остроносом лице появилось подобие улыбки. – Даю четыре часа на отдых. В одиннадцать ноль-ноль выезжаем. Свободны!

Они вышли из штаба, и Ванчен окликнул Куницу:

– Ты куда, Коля, домой ходи?

Капитан Ванчен, хоть и вырос и окончил среднюю школу в Хабаровске, говорил по-русски с акцентом. Зато на родном языке, что было для разведчика гораздо важнее, ошибок не делал. К тому же довольно прилично знал английский.

– Сперва за сыном зайду в школу, – отозвался Куница. – Малолеток опять перевели во вторую смену. А ты иди, Ваню.

Они жили в одном доме и постоянно помогали друг другу по хозяйственным делам. Пятиэтажка, построенная еще в хрущевские времена специально для семей пограничников, требовала регулярного ремонта. И мужики, чтобы заменить сантехнику, побелить потолки и стены, починить крышу или исправить электрооборудование, кооперировались. Ванчен, он же Ваню, он же Иван Иванович, охотно откликался на любое имя и всегда был готов всем помочь. Корни китайца Ванчена давно укрепились в России. Дед до революции владел в Хабаровске лавчонкой, потом перешел в категорию совслужащих. Отца призвали в армию. Там он стал переводчиком и воевал в Маньчжурии. Сын пошел по его стопам.

Что-то в голосе Куницы Ванчену не понравилось. Он обнял друга за плечи и осторожно спросил:

– Плохо дома, Коля?

– Всяко бывает, – передернул плечами Куница, прекрасно понимая, на что намекает сосед. Живут ведь рядом, общаются постоянно. То, что у них с Леночкой не все ладно, видно невооруженным глазом.

– Не запирай душа. Лучше открой, – тихо попросил Ванчен. – Одна голова хорошо, моя вторая лучше.

Куница посмотрел на друга с благодарностью за искреннее желание помочь. Но что можно сделать, когда семейная жизнь покатила под гору и между двумя встал третий...

– Спасибо тебе, Ваню, – пробормотал Куница. – Только ничего уже не сделаешь. Извини, пойду. Без десяти одиннадцать встретимся у штаба.

Куница махнул рукой и, спасаясь от дальнейших расспросов, торопливо зашагал в сторону КПП. Мысли закружились вокруг Елены. Неладно у них стало в семье. Исчезло былое душевное тепло. Заботится жена о нем и о сыне по-прежнему, но открытость, доверительность исчезли. Замкнутая стала, будто гложет ее что-то изнутри. Часто сидит задумчивая, посерьез-

невшая. Как-то сразу превратилась из озорной девчонки в зрелую женщину, от которой не лаской – холодком веет.

А как было поначалу! Беззаботно, весело... Леночка его, собственно, к жизни пробудила. После гибели Ксюши внутри все замерло, заглохло. Ксюша была для него всем. Если честно, он по первой жене и сейчас иногда тоскует, хотя ее нет уже шесть лет. Бандитская пуля оборвала Ксюшину жизнь. Когда ее не стало, Николай несколько лет не мог смотреть ни на одну женщину. А было ему тогда всего тридцать с небольшим, как говорят в Гусиновке, мужик в самой поре. И только Леночка...

Ох, огневая была девка! Николай вдруг увидел милое синеглазое существо, стройное, с тонкой талией и высокой грудью. Он вдруг прозрел, вырвался из летаргического сна. И потянулся к жизни.

Леночка уступила не сразу. Пришлось походить вокруг да около, тряхнуть стариной. В Гусиновке, что стоит на родной Кемеровщине, Николай был во всех отношениях первым парнем на селе. А пел как! Врежет частушку на околице деревни – на другом конце слышно. В общем, согласилась наконец Леночка выйти за него, хоть была на десять лет моложе. И начали они жить тихо, ладно. Одно лишь немного осложняло: отношение Олежки к мачехе. Леночка очень старалась, заботилась о мальчишке, пыталась притянуть к себе лаской – ничего не получалось. Парнишка слишком хорошо помнил свою мать...

Подходя к школе, стоящей в центре Соколовки, Куница услышал звонок. Занятия окончились, детвора с визгом и воплями вывалилась из широко распахнутых дверей, и он едва не пропустил бегущего в буйной толпе сына. Олежка сам его окликнул.

– Ты зачем пришел, папа? – спросил, взглянув исподлобья.

Недавно он в очередной раз нагрубил Елене и честно отцу в том признался. Николай не стал его ругать, лишь с укором сказал: когда человек к тебе с добром, нельзя отвечать черной неблагодарностью. Разговор получился серьезный, мужской и, кажется, достиг цели.

– Почему мне не отвечаешь? – настойчиво потребовал Олежка. Господи, как он походил на Ксюшу!

– Я шел мимо, – как можно беспечнее ответил Николай. Но сын не поддавался обману:

– Опять домой сам идти не захотел?

– Не фантазируй, – возразил Николай. – Вместе пойдем, вдвоем веселее.

– А она дома?

– Где ж ей еще быть... – Голос прозвучал фальшиво, и Куница на себя рассердился. – Я в школу зашел, потому что тебя захотел поскорее увидеть. Дома мало бываю. Вот и сегодня в ночь ухожу. Совсем отобьешься от рук без отцовского пригляда. Как дела в школе?

– Нормально, две четверки заработал: по русскому и истории.

– Мог бы поднажать, особенно по истории. Ну пошли!

Через несколько минут они уже были дома. Елена встретила мужчин удивленным взглядом, однако ничего не сказала. Обычно Николай со службы спешил домой, чтобы до прихода сына побыть с женой наедине.

Поставив в кухне на стол еду, Елена ушла в комнату, сказав, что уже поела. А прежде всегда ждала, чтобы поужинать вместе. Николай поковырял вилкой жареную картошку и отодвинул тарелку. Аппетит сразу пропал. Отхлебнув несколько глотков компота, он сказал сыну:

– Пойду сосну часок. Сегодня ночью вряд ли придется глаза сомкнуть.

– Конечно, иди, папа! – воскликнул Олежка.

Николай лежал на широкой семейной кровати в одиночестве. Приглушенные звуки работающего за стеной телевизора не мешали. Он давно приучил себя спать в любой обстановке, разведчику иначе нельзя. Но сейчас сон не шел. Он думал о прошлом и будущем, о несбывшихся мечтах и реалиях сегодняшнего дня, в которых ему было также неудобно, как после трагической гибели Ксюши... Засыпая, Николай вспомнил о начальнике отряда. Видный мужик,

высокий, осанистый. Скоро наверняка полковника получит – это тебе не прапорщик. А как классно работает на ковре! Недавно показывал им приемы рукопашного боя. Точный удар, мгновенная реакция, мертвая хватка. Пожалуй, если сойдутся на ринге, мастер спорта Куница вряд ли его одолеет.

В половине одиннадцатого, не дожидаясь звонка будильника, Николай встал. Натянул на себя легкий пятнистый комбинезон, в котором обычно ходил летом на задания. Выложил в ящик стола документы и фотографию сына. Поколебавшись, сунул в задний карман газовый пистолет. Подполковник Смолистый приказал не брать с собой оружия, только ножи. Но «газовик» – не оружие, хотя неоднократно выручал хозяина в затруднительных обстоятельствах. Пистолет был подарком старого друга из спецназа, сделан на заказ, с очень точным боем и сильными нервно-паралитическими зарядами.

В машине ехали втроем. Разговаривать не хотелось, каждый думал о своем. Молчание нарушил сидевший рядом с шофером Смолистый.

– Почему приуныли, добры молодцы? – спросил насмешливо. – Или страх одолел?

– Веселиться люблю после окончания дела, – мрачно отозвался Куница.

– На серьезную работу едем, – поддержал Ванчен. – Зачем говорить слова?

– Наверное, ты прав, Ваню, – согласился Смолистый. – Можем к черту в зубы попасть...

– А вы тут при чем? – встревожился Куница.

– Я иду тоже.

– Нельзя вам, товарищ подполковник! Мы люди маленькие. Вдруг попадемся, спрос невелик. Взять с нас нечего...

– В разведке все рядовые. С каждого, коли провалимся, шкуру спустят.

– Плохие мысли, плохие слова, – поддержал прапорщика Ванчен.

– Согласен, – усмехнулся Смолистый.

Из машины вышли у знакомого причала, где швартовались катера, доставляющие грузы на мыс возле Кирсановки. Здесь, собственно, обрывалась дорога, прорубленная пограничниками в тайге. Однако пирс, к удивлению Куницы, был пуст.

– Вот так финт, – расстроился он. – Как же мы до Безымянного доберемся?

– Шутишь, Николай Васильевич? – спросил Смолистый. – За Безымянным китайцы наверняка смотрят особо. Зачем же нам на рожон лезть?

– Так ведь ночь безлунная. И тут до монастыря кратчайший путь. В темноте запросто проскочим.

– Думаешь, только у нас есть приборы ночного видения?

– У меня простой психологический расчет, – возразил Куница. – Китайцам в голову не придет, что мы поперем в самом опасном месте.

– Если бы тут стояло одно из подразделений народной армии... Но я получил ориентировку из округа: на той стороне появились «тигры».

– Китайский спецназ? – переспросил Куница.

– Подготовка этих ребяташек, сам знаешь, не хуже, чем наших. Ворон ловить не будут.

– А зачем они тут?

– Вопрос не ко мне, – рассмеялся Смолистый. – Ты, Николай Васильевич, к командованию китайской народной армии за разъяснениями обратись или прямо в политбюро ЦК КПК. Короче, будем переправляться выше по реке.

– В том месте Амур широченный, да и течение...

– Нет проблем, – ответил Смолистый. – Сами не справимся – помогут. Надеть приборы ночного видения!

Куница натянул на голову чудо-очки, и мир вокруг сразу раздвинулся. Обозначились деревья и даже огромные валуны, разбросанные по дальнему склону сопки.

Они двигались по лесу параллельно берегу, легко одолевая поваленные деревья, горы бурелома и густые заросли кустарника. Разведчикам было привычно ходить по тайге. Минут через сорок они вышли к излучине Амура, остановились и сразу увидели шагнувшего им навстречу человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.